

К 60-летию Б.М. Гонгало

ЧАСТНОЕ ПРАВО ПРЕОДОЛЕВАЯ ИСПЫТАНИЯ

Коллектив авторов
Частное право. Преодолевая
испытания. К 60-
летию Б. М. Гонгало

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38279827

Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало:

Статут; Москва; 2016

ISBN 978-5-8354-1200-6

Аннотация

Так уж повелось, что в юбилей подводят итоги и строят дальнейшие планы. Юристы в данном случае не исключение. Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен в честь замечательного правоведа Бронислава Мичиславовича Гонгало, имя которого – в одном ряду с именами тех, кто стоял у истоков создания современного российского права. Коллеги и друзья Б.М. Гонгало постарались осмыслить достигнутые, в том числе и при его непосредственном участии, научные и практические результаты и предложить решения целого ряда актуальных как общих, так и конкретных отраслевых вопросов прежде всего российского частного права – главной области исследовательского и преподавательского интересов юбиляра. Для юристов – ученых и практиков, будущих юристов, а также для

всех, кто интересуется динамикой развития российского права и защитой законных прав.

Содержание

Бронислав Мичиславович Гонгало. Преодолевая испытания	7
Реформа гражданского законодательства: объекты гражданских прав	20
Еще раз о различиях вещных и обязательственных прав	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Коллектив авторов
Частное право.
Преодолевая испытания.
К 60-летию Б.М. Гонгало

© Коллектив авторов, 2015

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление,
2015

* * *

Бронислав Мичиславович Гонгало. Преодолевая испытания

П.В. КРАШЕНИННИКОВ, доктор юридических наук, профессор, председатель Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству

Бронислав Мичиславович Гонгало... Впервые услышав такие имя, отчество и фамилию, невольно подумаешь: это человек нестандартный. И в самом деле: Бронислав выделяется не только своим ФИО, но и внешностью, и поведением, остроумием и небанальностью мышления.

Свердловск не так давно был закрытым городом. Иностранцев туда не пускали, и «импортных» имен никто не воспринимал. Встречались, конечно, нестандартные имена, как правило, у людей достаточно пожилых. Сестры-близнецы могли носить имена Рева и Люция (вместе – революция). Был еще такой «шедевр» творцов революционных имен, как Побиск (победитель Октября, борец и строитель коммунизма). Но Бронислав, да еще Мичиславович – это явно что-то иностранное. Возникали вопросы по поводу правописания, ударения и так далее: «Как писать?», «Где «и», а где «е»?». А не особо «толерантные» так и спрашивали: «Что за национальность такая?».

Теперь фамилия. Казалось бы, ничего особенно сложного – ГОНГАЛО. Нет, опять вопросы... Вспоминаю, как, будучи аспирантом, написал книжку про жилищно-строительные кооперативы, уговаривал Бронислава Мичиславовича быть ответственным редактором (в СССР без этого было нельзя). Уговорил. Книга вышла. Я счастлив. Смотрю: «Ответственный редактор Б.М. Гончало». Думаю, как я в глаза буду смотреть старшему товарищу, переживал, спросил у издателей, можно ли все перепечатать. Меня послали (видимо, к редактору). Пришел, показываю. Бронислав говорит: «Ха, я к этому привык». На самом деле, вряд ли, но с меня груз вроде бы снял. Мою фамилию тоже нередко перевирают, и я знаю, как это неприятно. Так что каждый раз это некоторое испытание на терпимость к чужим ошибкам.

Бронислав Мичиславович Гонгало родился в январе 1956 г., в паспорте – 5-го, на самом деле – 6-го января в селе Ростовка Келлеровского района Кокчетавской области Казахской ССР (сегодня это Республика Казахстан). Родители Бронислава – Мичислав Викентьевич и Полина Андреевна – перед войной были выселены с Кубани в Казахстан по национальному признаку (поляк и немка). Бронислав – второй, младший сын в семье; старший брат Викентий, названный в честь деда, работает в Северо-Казахском университете доцентом на кафедре философии. Кстати, Бронислав до пяти лет говорил по-немецки.

Окончил восемь классов средней школы и в 1972 г. по-

ступил в Челябинский юридический техникум. Как он сам говорит, начитавшись книг детективного жанра. Хотел стать прокурором или судьей. По тем временам выбор отнюдь не стандартный. Тогда профессия юриста была не самой популярной. Согласитесь, в столь юном возрасте выбрать профессию и остаться верным выбору – не частое явление. Серьезный был мальчик Бронислав.

С 1974 по 1976 г. служил в Советской Армии, где от санинструктора дослужился до заведующего столовой. После службы поступил на рабфак Свердловского юридического института. Поступил благодаря счастливому стечению обстоятельств. Дело в том, что замполит части, где служил Бронислав, «воспылал» к нему нелюбовью. В результате чего в институт на Гонгало пришла такая характеристика, что в пору было направлять его в исправительное учреждение, а не на рабфак юридического института. Так что служба в армии, не важно на каких должностях, в любом случае является испытанием, как говорится, огнем и водой. Что почувствовал Бронислав, прочтя эту характеристику, – пламя адского огня или озноб от ушата холодной воды, – остается только догадываться. Перед ним маячило отчисление с рабфака.

К счастью, в то время рабочим факультетом руководил Эдуард Николаевич Ренов. Он вызвал Бронислава и дал ему три дня на то, чтобы исправить положение. За это время нашему рабфаковцу удалось «смотаться» в часть и привезти оттуда объективную характеристику. Так что юридическая

карьера Бронислава Мичиславовича в тот момент висела на волоске.

Метаморфозы с названиями городов, улиц, вузов происходили, как говорится, на наших глазах. На революционной волне Екатеринбург стал Свердловском, хотя Яков Свердлов бывал в нем лишь с кратковременными визитами. Но надо было что-то подобрать, а тут еще город с императорским именем в названии, хотя назван-то он был в честь святой, а не императрицы, но – какая разница?..

Замечательный юридический вуз, основанный в 1934 г. в Свердловске на базе Сибирского института советского права, первоначально находившегося в Иркутске, называли «Свердловский юридический институт» (СЮИ). Среди его выпускников такие известные юристы, как С.С. Алексеев, В.Ф. Яковлев, С.А. Хохлов...

Но вот умирает «выдающийся государственный и партийный деятель», известный, прославленный юрист А. Я. Вышинский. Назвали СЮИ его именем. Выясняется, что в годы культа личности он участвовал в репрессиях. Убрали из названия фамилию Вышинского. Свято место пусто не бывает. Назвали именем государственного обвинителя на Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко, про которого затем также выяснились неприятные обстоятельства. Убрали фамилию Руденко и оставили просто СЮИ. Но вот незадача – Свердловск вновь стал Екатеринбургом. Как назвать институт? Решили – раз уж менять название, так сразу все слова, кроме

ключевого, – УрГЮА (Уральская государственная юридическая академия). Совсем недавно стал УрГЮУ – Уральский государственный юридический университет. Будем надеяться, что последнее название продержится долго.

Может, вся эта свистопляска с переименованиями и привела к тому, что значительная часть выпускников вуза, включая и героя нашего рассказа, в большей степени ориентирована на значение каждого слова, в том числе и в законодательстве, которое, как известно, обеспечивает законные права и интересы граждан и квинтэссенцией которого и является гражданское законодательство? Неслучайно уральская цивилистическая школа является «визитной карточкой» нынешнего УрГЮУ. Вот и рабфаковец Бронислав Гонгало понял, что именно гражданское законодательство позволяет творчески развиваться личности и таит в себе много замечательных открытий. О мечтах стать прокурором он быстро забыл.

После рабфака Бронислав был зачислен непосредственно в тогда еще СЮИ. Попал в хорошую группу, где училась и его будущая жена Елена. Со многими он дружит до сих пор, например, с Татьяной Ильиничной Зайцевой, великолепным специалистом по нотариальному и наследственному праву. Повезло Брониславу с учителями. Особенно он сблизился с Владимиром Александровичем Плетневым, с которым дружил до ухода наставника. Конечно же, Брониславу помогало образование, полученное в Челябинском юридическом тех-

никуме, но больше – талант и усердие (я бы сказал, усердие без надрыва, без мучений).

Оптимизм, который с годами, как правило, не крепнет, тогда у него проявлялся во всем. И в учебе, и в преподавательской деятельности, и в научных исследованиях, и в неформальном общении с друзьями и коллегами. Он легко поступил в очную аспирантуру Свердловского юридического института. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию.

После защиты кандидатской диссертации Брониславу удалось побывать на исторической родине своей матери в качестве стажера Лейпцигского и Берлинского университетов. Видимо, эта стажировка весьма благотворно сказалась на его дальнейших творческих успехах. Очень скоро Бронислав Мичиславович стал признанным специалистом в области гражданского, жилищного и семейного права.

Познакомились и подружились мы с ним как-то незаметно. Мы жили в одном районе города под пышным названием «Ботанический сад», на одной улице, а потому нередко оказывались в одном трамвае по дороге домой или на работу. Я тогда был аспирантом, а Бронислав уже доцентом. Чтобы скоротать не такую уж близкую дорогу, особенно зимой, когда температура в трамвае мало отличалась от уличной, мы обсуждали вопросы гражданского права, тонкости преподавательской деятельности, да и просто житейские вопросы. Со временем эти «трамвайные посиделки» выросли в крепкую дружбу.

Если судить по нумерации домов, в которых мы жили, то находились они совсем рядом. Однако в реальности их разделяло немаленькое пространство, во все времена года покрытое непролазной грязью. Так что походы в гости друг к другу всегда были сопряжены с преодолением этих хлябей, что имело вполне наглядные последствия. Например, велосипеды, на которых семья Гонгало иногда приезжала к нам, порой невозможно было даже занести в подъезд, настолько они были испачканы. А когда мы приходили к ним в гости, то порой оставляли ботинки в подъезде, поскольку отчистить их без специальных средств не было никакой возможности. Так что наша дружба в первую очередь прошла испытание свердловской грязью, а уж потом огнем, водой и медными трубами.

Трудно сказать, творческое сотрудничество послужило основой нашей дружбы или, наоборот, взаимная симпатия привела к тесному творческому союзу. Мы писали многочисленные совместные статьи, готовили учредительные документы и договоры для возникавших в то время как грибы экономических структур, часто вместе ездили в командировки. В конце 80-х – начале 90-х годов мы с Брониславом состояли в Инновационном комитете Свердловской области. Комитет вполне оправдывал свое название, поскольку приходилось создавать качественно новые нормативные акты. Особенно это относилось к сфере жилищного законодательства. Например, в Свердловской области впервые в стра-

не были разработаны правила обмена жилых помещений, в том числе находящихся в частной собственности, положение о предоставлении жилья нуждающимся и т. д.

Законодательство тогда менялось с калейдоскопической быстротой. Помню, в одном семестре нам пришлось читать лекции студентам по законодательству о юридических лицах сначала по старому законодательству СССР, потом по новому законодательству СССР, а в конце и вовсе по законодательству РСФСР. В этих условиях приходилось внимательно следить за принятием новых законодательных актов, обсуждать новые рыночные реалии, изучать дореволюционные работы по гражданскому законодательству. Понятно, что вдвоем это делать гораздо легче.

Также намного легче писать статьи и книги совместно, так как «одна голова хорошо, а две – лучше». Количество книг, статей и документов, написанных нами в соавторстве, настолько велико, что профессор Е. А. Суханов как-то называл нас Бойлем и Мариоттом. В целом понятно, что он имел в виду. Не очень понятно, причем тут эти два физика, открывших один и тот же закон, – они даже не были знакомы. В отличие от Бойля и Мариотта, точнее от соавторов, спорящих о приоритете своих работ, наши споры с Брониславом на тему, кто сделал больше, происходят с точностью до наоборот. Каждому из нас кажется, что соавтор внес куда более значимый вклад и соответственно должен получить больший гонорар. В итоге делим все по-братски поровну...

Несколько слов следует сказать об одной книжке – не потому, что там были какие-то теоретические изыски, а в силу широкого распространения в стране, особенно в Москве и Ленинграде. Авторами данной работы были Ефим Владимирович Басин и мы. Работа называлась «Приватизация жилья. Комментарий к Закону «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»» и вышла в 1993 г. Книга продавалась везде: в метро, на автобусных и трамвайных остановках, в магазинах, и не только книжных. Приватизация жилья только начиналась. Комментарий вышел в четырех цветах и в твердых и мягких обложках. Мы, конечно, были рады популярности издания, но то, что его тираж – один миллион экземпляров, нас как-то не «цепляло». Осознали масштаб действия только лет через 10. Тогда считали: «Ну, хорошо, только гонорар могли бы больше заплатить». Впрочем, это неважно, но тиражей таких нет и не будет.

В 1993 г. я перебрался в Москву, но это испытание пространством никак не ослабило нашу дружбу и наш творческий союз. Конечно, став министром юстиции, я попытался «перетащить» Бронислава в столицу, учитывая прежде всего его незаурядные профессиональные и организаторские способности. Он всячески сопротивлялся, мотивируя свой отказ семейными обстоятельствами. Как-то для убедительности я продемонстрировал ему ключи от московской квартиры, предназначенной для замминистра, и предложил ему занять эту должность. Бронислава это несколько смутило. Тем

более что Эдуард Николаевич Ренов (да-да, тот самый) настойчиво советовал ему: «Хату надо брать в любом случае. Потом разберешься». Но в итоге Бронислав Мичиславович все равно отказался. Ну что ж, чиновника из него не получилось – после 60 лет на госслужбу не берут.

Тем не менее он является членом Совета по кодификации гражданского законодательства при Президенте России, участвует в работе соответствующих комиссий, которые дают заключения на проекты федеральных законов и другие нормативные акты. Ну и конечно же он играет ведущую роль в филиале Исследовательского центра частного права при Президенте РФ в Екатеринбурге. Бронислав Мичиславович возглавил его после ухода с этой должности Сергея Сергеевича Алексеева. Его шутка, что на самом деле Центр находится в Екатеринбурге, а в Москве – его филиал, не так уж далека от истины. По крайней мере, если судить по активности и продуктивности работы сотрудников этих двух учреждений. Это я как ректор Российской школы частного права с 10-летним стажем говорю в плане самокритики. Для уральцев эта деятельность – главная, а для москвичей – вторая или третья.

Докторскую диссертацию Бронислав сначала собирался защищать по жилищному праву. Однако, начиная с наших старых работ 1993 г. о залоговом праве в России, у Гонга-ло накопилось большое количество материала на эту тему, в том числе его монография «Учение об обеспечении обя-

зательств» – одна из лучших работ в России на эту тему. Причем это отнюдь не только мое личное мнение. Так что в конце концов мне удалось убедить его защищаться по теме «Гражданско-правовое обеспечение обязательств».

Защита Б. М. Гонгало докторской диссертации в 1999 г., я думаю, надолго запомнилась сотрудникам и студентам СЮИ. Мало того, что на защите присутствовали такие знатные юристы, как С. С. Алексеев, Е. А. Суханов, А. Л. Маковский, а также ваш покорный слуга в ранге министра юстиции, так еще приехало и много юристов из других городов – послушать диссертанта и оппонентов. Интерес был огромный. Зал, понятное дело, не вместил всех желающих и многим пришлось стоять в прилегающих коридорах, пытаясь услышать происходящее в зале. Современных средств, позволяющих транслировать заседание, тогда не было.

Как это принято, после успешной защиты диссертации состоялось бурное празднование этого события. Больше всех, видимо, радовался наш общий друг Виктор Николаевич Симонов. Эта неумемная радость довела его до весьма «больного», как говорят «специалисты», состояния. На следующее утро, часиков этак в четыре-пять, на пороге квартиры Бронислава Мичиславовича возник наш «больной». Не было нужды ни в каких медицинских анализах, чтобы определить «диагноз» «пациента». Бронислав молча налил стакан коньяка, а Виктор также молча его выпил. Только после этого он нарушил молчание, заявив: «Вот теперь я вижу, что ты

настоящий доктор». С тех пор ученая степень Б. М. Гонгало приобрела некоторый медицинский оттенок.

В 2002 г. Б. М. Гонгало стал профессором.

Что касается испытания медными трубами, т. е. славой, то Бронислав Мичиславович всегда был чужд как истового чинопочитания, так и чрезмерного чувства собственного величия. Для него в общении прежде всего важен сам человек, с его плюсами и минусами, а не место в бюрократической иерархии или общественном мнении. Помню, на вечеринке в одном из екатеринбургских кафе, в бытность мою министром юстиции, все гости явились в обычной одежде, а на одном из них (назовем его Сергей) была камуфляжная куртка. Персонал кафе, предупрежденный, что среди гостей будет федеральный министр, приняли за министра именно этого гостя и принялись его всячески ублажать. Сергей, сам того не замечая, «надувался» каждую минуту все больше и больше, а гости беззлобно над ним потешались. С Брониславом подобного казуса никогда не случалось и, я уверен, не случится.

Так что, если посмотреть, так сказать, в ретроспективе на творческий путь Бронислава Мичиславовича, то характеризовать его можно следующим образом: «все выше и выше», без отступлений и всяких заминок. Преодолевая любые испытания.

У меня нет никаких оснований полагать, что в дальнейшем будет как-то иначе. Ведь всегда остаются вершины, «на

которых еще не бывал».

Реформа гражданского законодательства: объекты гражданских прав

В.В. ВИТРЯНСКИЙ, доктор юридических наук, профессор

Общие положения об объектах гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) сформулированы следующим образом: к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

По сравнению с ранее действовавшей редакцией ст. 128 ГК РФ в качестве отдельных объектов гражданских прав, не относящихся к вещам, выделены безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Это стало возможным в связи с тем, что законопроектом предложен комплекс специальных правил, направленных на регулирование указанных объектов. Данное обстоятельство, например, делает ненужным (за редким исключением) применение к без-

наличным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам правил о вещах, как это имело место ранее. Так, в § 3 гл. 7 (ст. 149–149.5) ГК РФ теперь имеется комплекс норм, регламентирующих гражданские права на бездокументарные ценные бумаги и особые способы защиты от разного рода нарушений.

К примеру, согласно ст. 149.3 правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, будет вправе требовать от лица, на счете которого они находятся, возврата таких же бумаг. При этом бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требования, а также приобретенные на организованном рынке, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя. Если же бездокументарные ценные бумаги были безвозмездно приобретены от лица, которое не имело права их отчуждать, правообладатель вправе истребовать такие ценные бумаги во всех случаях. Когда же бездокументарные ценные бумаги, которые правообладатель вправе истребовать, были конвертированы в другие ценные бумаги, правообладатель вправе истребовать те ценные бумаги, в которые были конвертированы ценные бумаги, списанные с его счета. А при наличии возможности приобретения на организованном рынке таких же ценных бумаг, которые были неправомерно списаны со счета правообладателя, последний вправе по своему выбору потребовать от лиц, несущих перед ним ответственность за причиненные этим

убытки, приобретения соответствующих ценных бумаг за их счет либо возмещения всех расходов, необходимых для их приобретения.

Несколько иной подход со стороны законодателя наблюдается в отношении таких объектов гражданских прав, как объекты недвижимости. Прежде всего необходимо отметить, что ст. 130 ГК РФ осталась в прежней редакции, хотя в редакции законопроекта, принятого в первом чтении, эта статья включала в себя правила о том, что земельный участок и находящиеся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь; к недвижимым вещам в равной степени относятся как жилые, так и нежилые помещения, выделенные в установленном порядке в качестве самостоятельных объектов гражданских прав.

Данные законоположения («выпавшие» из текста ст. 130 ГК РФ) были призваны законодательно оформить подходы, давно сложившиеся как в доктрине, так и в судебной практике. Так, в 2005 г. при подготовке постановления Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» в его текст было включено разъяснение, согласно которому сделки, воля сторон по которым направлена на отчуждение здания, строения, сооружения без соответствующего

земельного участка или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости принадлежат на праве собственности одному лицу, являются ничтожными. Такой же порядок отчуждения принадлежащих одному лицу земельных участков и находящихся на них объектов недвижимости должен применяться и при прекращении права на землю в случае реквизиции, конфискации здания, строения, сооружения, обращения взыскания на указанное недвижимое имущество по обязательствам его собственника (ст. 242, 243, 237 ГК РФ). Очевидно, что приведенное разъяснение Пленума ВАС РФ основано на признании земельного участка и расположенного на нем недвижимого имущества единым объектом, выступающим в обороте в качестве единой недвижимой вещи.

Что касается жилых и нежилых помещений, то названные объекты (в особенности нежилые помещения) давно требуют детального регулирования. Еще при подготовке Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе (2002–2003 гг.) ставилась задача урегулировать соответствующие отношения. Как отмечалось в Концепции, в зависимости от конструктивных особенностей и способа использования в здании (сооружении) могут быть выделены одно или несколько помещений, т. е. конструктивно и пространственно обособленных частей внутри здания (сооружения), пригодных для использования. Помещение, в отли-

чие от здания, лишено какого-либо материального выражения. Таким образом, помещение – это вещь исключительно в юридическом смысле этого слова.

Признание помещения недвижимой вещью делает особо актуальным урегулирование вопроса о правовом режиме общего имущества здания, к которому относятся: несущие и ограждающие конструкции, межэтажные перекрытия, крыша, фундамент, инженерное оборудование, так называемые помещения общего пользования (лестничные проемы, холлы и проч.), которые объединяются по признаку непригодности (непредназначенности) их для самостоятельного использования в качестве жилого или нежилого помещения. Как указывалось в Концепции, правовой режим объектов общего имущества «должен обеспечивать для всех без исключения собственников помещений, с одной стороны, безусловную возможность беспрепятственного пользования ими в соответствии с их назначением, а с другой – безусловное распределение бремени содержания их в состоянии, обеспечивающем возможность их использования по назначению. Поскольку в обоих случаях речь идет о «безусловности», единственный правовой режим, обеспечивающий это, есть режим общей долевой собственности».

К сожалению, до настоящего времени правовой режим нежилых (например, офисных) помещений, имея в виду особый имущественный комплекс, включающий право собственности на нежилое помещение и долю в праве собствен-

ности на общее имущество здания, в котором это нежилое помещение расположено, законодательством не установлен.

Вместе с тем в свое время Пленум ВАС РФ, значительно опережая законодателя, принял Постановление от 23 июля 2009 г. № 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания», в котором рекомендовал арбитражным судам применять к нежилым помещениям по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ) правила, регулирующие отношения собственников помещений в многоквартирном доме (ст. 289, 290 ГК РФ, ст. 36 ЖК РФ), и в связи с этим разъяснил, что право общей долевой собственности на общее имущество здания принадлежит собственникам помещений в силу закона вне зависимости от его регистрации в ЕГРП. А при переходе права собственности на помещение к новому собственнику одновременно переходит и доля в праве общей собственности на общее имущество здания независимо от того, имеется ли в договоре об отчуждении помещения соответствующее указание (п. 1, 3, 5 Постановления).

Отрадно отметить, что позиция, высказанная Пленумом ВАС РФ, была полностью поддержана и Пленумом ВС РФ, что сделало ее обязательной не только для арбитражных судов, но и для судов общей юрисдикции. В Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивается, что

в силу п. 1 ст. 290 ГК РФ и ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений (как жилых, так и нежилых) в многоквартирном доме общее имущество в таком доме принадлежит на праве общей долевой собственности независимо от фактов создания товарищества собственников недвижимости и членства в нем (п. 40). А в п. 41 данного Постановления разъясняется, что в соответствии с п. 1 ст. 6 ГК РФ к отношениям собственников помещений, расположенных в нежилом здании, возникающим по поводу общего имущества в таком здании, подлежат применению нормы законодательства, регулирующие сходные правоотношения, в частности ст. 249, 289 и 290 ГК РФ, а также ст. 44–48 ЖК РФ.

Еще при подготовке Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе (2002–2003 гг.) было признано необходимым предусмотреть специальное законодательное регулирование в отношении такого объекта гражданских прав, как технологический имущественный комплекс (на сегодняшнем правовом языке – «единый недвижимый комплекс»), а такой объект гражданских прав, как предприятие, напротив, предлагалось исключить из перечня недвижимого имущества, предусмотрев для него лишь некоторые особенности правового режима. В частности, публичный характер сделок с предприятиями, являющийся необходимой гарантией прав и законных интересов кредиторов и иных участников оборота, предлагалось обеспечить не государственной регистрацией прав на предприя-

тия, а иным способом – введением обязательной публикации сведений о сделках с предприятием.

Аналогичный подход к указанным объектам гражданских прав – предприятие и технологический имущественный комплекс недвижимости (единый недвижимый комплекс) – можно обнаружить и в Концепции развития гражданского законодательства РФ, в которой, например, указывается: «практика показала, что статья 132 ГК, в силу которой предприятие как имущественный комплекс следует рассматривать в качестве недвижимой вещи (недвижимости), фактически не была осуществлена. Входящие в состав предприятия здания, строения, сооружения регистрируются как отдельные объекты недвижимости, а регистрация предприятия в качестве недвижимости порождает трудноразрешимые вопросы... По этой причине предприятие фактически выбыло из оборота недвижимости. В связи с этим необходимо исключить из статьи 132 ГК признание предприятия в целом недвижимой вещью. Необходимо проработать вопрос о включении в ГК нового особого объекта недвижимого имущества – технологического имущественного комплекса недвижимости».

Окончательная редакция ст. 130, 132, 133.1 ГК РФ свидетельствует о том, что задача, поставленная Концепцией развития гражданского законодательства РФ, решена лишь наполовину.

В качестве недвижимой вещи, участвующей в обороте как

единый объект, теперь признается единый недвижимый комплекс, под которым понимается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически и технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередач, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь (ст. 133.1 ГК РФ).

Однако при этом была отвергнута новая редакция ст. 132 ГК РФ, содержащаяся в законопроекте, принятом в первом чтении, согласно которой из числа объектов недвижимости исключалось предприятие – имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности и включающий в свой состав все виды имущества, предназначенные для его деятельности, а также права требования, долги, права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги, и другие исключительные права. В то же время предприятие должно было остаться отдельным объектом оборота, права на который могут переходить как на основании закона, так и по сделкам. При этом сведения о сделках, предметом которых является предприятие, подлежали обязательной публикации (ст. 132 в редакции законопроекта).

Данное обстоятельство может иметь негативные послед-

ствия, например, в случаях, когда под видом единого недвижимого комплекса будет отчуждаться все имущество предприятия без соблюдения гарантий прав кредиторов, а также прав работников, занятых на соответствующем предприятии.

Предотвратить подобные злоупотребления могло бы аккуратное судебное толкование соответствующих законоположений (ст. 132 и 133.1 ГК РФ). Например, можно было бы разъяснить, что в тех случаях, когда имущественные комплексы уже сегодня фактически используются в предпринимательской деятельности в составе предприятия и у их собственников имеются обязательства, связанные с эксплуатацией указанных имущественных комплексов, не допускается государственная регистрация прав на указанные комплексы как на единые недвижимые комплексы (ст. 133.1 ГК РФ), вместо этого должна быть сохранена государственная регистрация на отдельные объекты недвижимости в составе имущества предприятия.

К сожалению, в тексте Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 данной проблеме не уделено внимания. Вместе с тем в данном Постановлении имеются иные важные разъяснения, касающиеся правового режима единых недвижимых комплексов. В частности, в п. 39 Постановления подчеркивается, что в качестве единого недвижимого комплекса, выступающего в гражданском обороте как один объект (недвижимая вещь), может признаваться совокуп-

ность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, которые либо расположены на одном земельном участке, либо неразрывно связаны физически или технологически (например, железные дороги, линии электропередач, трубопроводы и другие линейные объекты). При этом в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество должно быть зарегистрировано право собственности именно на всю совокупность указанных объектов в целом как на одну недвижимую вещь. В отсутствие же названной регистрации такая совокупность вещей не может считаться единым недвижимым комплексом.

Весьма важное значение для реального имущественного оборота имеет также разъяснение, согласно которому части единого недвижимого комплекса (например, линейного объекта) могут быть расположены на различных земельных участках. Поэтому отказ органа, осуществляющего государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, в регистрации прав на единый недвижимый комплекс лишь на том основании, что соответствующие объекты не расположены на одном земельном участке, не соответствует требованиям ст. 1331 ГК РФ (п. 39 Постановления).

В ходе подготовки и принятия во втором и третьем чтении Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» более других законоположений повезло вносимым в текст ГК РФ новеллам

о таких объектах гражданских прав, как ценные бумаги, которые (новеллы) не были испорчены «теневыми» поправками. Поэтому правовое регулирование ценных бумаг удалось скорректировать и дополнить в соответствии с положениями Концепции развития гражданского законодательства РФ.

В связи с этим представляется, что в целом удалось решить главную задачу, которая ставилась в Концепции: «провести ревизию помещенных в различных разделах ГК норм о ценных бумагах, чтобы 1) устранить имеющиеся в Кодексе внутренние противоречия цивилистической конструкции ценной бумаги; 2) дополнить общие положения ГК о ценных бумагах другими нормами общего характера, которые имеются в нормативных актах, регулирующих отдельные виды бумаг... При этом положения главы 9 ГК должны выполнять функцию своеобразной «общей части» права ценных бумаг».

Исходя из этого гл. 7 ГК РФ включает правовые нормы, рассчитанные на все виды ценных бумаг: акция, вексель, залоговая, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги. Структура этой главы построена следующим образом: сначала излагаются законоположения, относящиеся в равной степени как к документарным ценным бумагам, так и к ценным бумагам бездокументарной формы выпуска (бездокументарным ценным бумагам), а затем следуют специальные правила, регулирующие дифференцированно документарные и

бездокументарные ценные бумаги.

При этом документарными ценными бумагами признаются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при их предъявлении. Под бездокументарными ценными бумагами понимаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав, установленных ГК РФ (ст. 149) и иным законодательством (ст. 142 ГК РФ).

В Концепции отмечалось, что предусмотренный действовавшим ранее законодательством критерий деления ценных бумаг на предъявительские, ордерные и именные, а именно способ передачи ценной бумаги, не соответствует «общепризнанным положениям теории ценных бумаг, в соответствии с которыми критерием такой классификации бумаг является способ легитимации лица, имеющего возможность требовать исполнения по бумаге».

Следуя данному положению Концепции, теперь согласно ГК РФ (ст. 143) предъявительской признается документарная ценная бумага, по которой лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, является ее владелец, а ордерной – документарная ценная бумага, по которой лицом,

уполномоченным требовать исполнения по ней, признается ее владелец, если ценная бумага выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца по непрерывному ряду индоссаментов. Именной является документарная ценная бумага, по которой лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается одно из следующих лиц: 1) владелец ценной бумаги, указанный в качестве правообладателя в учетных записях, которые ведутся обязанным лицом или действующим по его поручению и имеющим соответствующую лицензию лицом; 2) владелец ценной бумаги, если она была выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца в порядке непрерывного ряда уступок требований (цессий) путем совершения на ней именных передаточных надписей или в иной форме в соответствии с правилами, установленными для уступки требования (цессии). При этом к бездокументарным ценным бумагам по общему правилу подлежат применению правила об именных документарных ценных бумагах, правообладатель которых определяется в соответствии с учетными записями.

Говорилось в Концепции и о необходимости «закрепить в ГК общий принцип ограничения возражений должника по бумаге против требований приобретателей бумаги с учетом того, что этот принцип не должен распространяться на недобросовестного приобретателя ценной бумаги (принцип публичной достоверности прав, инкорпорированных в ценную бумагу)».

Данное положение Концепции воплощено в ст. 145 ГК РФ, согласно которой лицо, ответственное за исполнение по документарной ценной бумаге, вправе выдвигать против требований владельца ценной бумаги только те возражения, которые вытекают из ценной бумаги или основаны на отношениях между этими лицами. Причем лицо, составившее документарную ценную бумагу, отвечает по ней даже в том случае, когда соответствующая ценная бумага поступила в обращение помимо его воли. Однако эти правила об ограничении возражений не подлежат применению в случае, если владелец ценной бумаги в момент ее приобретения знал или должен был знать об отсутствии основания возникновения прав, удостоверенных ценной бумагой, в том числе о недействительности такого основания, или об отсутствии прав предшествующих владельцев ценной бумаги, а также в случае, если владелец ценной бумаги не является ее добросовестным приобретателем.

Идея Концепции о том, что риск исполнения ненадлежащему кредитору по ценной бумаге в случае недобросовестности должника должен быть возложен на такого должника, реализована в норме, согласно которой в случае, когда ответственное за исполнение по документарной ценной бумаге лицо знало, что владелец ценной бумаги, которому произведено исполнение, не является надлежащим обладателем права на ценную бумагу, оно обязано возместить убытки, причиненные обладателю права на ценные бумаги (п. 2 ст. 144

ГК РФ).

В качестве одного из недостатков правового регулирования ценных бумаг в Концепции отмечалось то обстоятельство, что в «законе отсутствуют правила, обеспечивающие осуществление прав по ценной бумаге лицами, которые формально не могут быть легитимированы в установленном порядке (прежде всего это универсальные правопреемники, а также лица, приобретшие ценные бумаги в результате их продажи с публичных торгов судебным приставом-исполнителем либо управляющим в процедуре банкротства)».

Теперь этот недостаток устранен. В соответствии с п. 8 ст. 146 ГК РФ при наследовании переход прав на ордерные или именные ценные бумаги подтверждается отметкой нотариуса на самой ценной бумаге, которая имеет силу индоссамен-та или передаточной надписи предшествующего правообладателя; в случае реализации ценных бумаг при обращении на них взыскания – отметкой лица, уполномоченного на реализацию имущества владельца ценных бумаг; в иных подобных случаях – на основании решения суда отметкой лица, осуществляющего исполнение судебного решения.

Одной из серьезных проблем законодательства и правоприменительной практики ранее считалось определение характера прав владельцев бездокументарных ценных бумаг. Как подчеркивалось в Концепции, «ввиду отсутствия у таких «бумаг» материальной формы применение к ним всего комплекса норм, регулирующих отношения по поводу ве-

щей, вызывает практические затруднения. В то же время специальные правила, учитывающие особенности такого рода объектов, отсутствуют либо вступают в противоречие с концептуальными положениями ГК». В связи с этим в Концепции ставилась задача «закрепить в ГК относительно развернутую систему норм, регулирующих те отношения по поводу бездокументарных ценных бумаг, которые не подпадают под действие общих положений о «классических» ценных бумагах».

В ходе реформы гражданского законодательства эта задача была успешно решена, о чем свидетельствуют новые законоположения о бездокументарных ценных бумагах, внесенные в текст ГК РФ (ст. 149, 149.1–149.5), которые представляют собой специальные правила, учитывающие особую юридическую природу бездокументарных ценных бумаг.

В решении о выпуске бездокументарных ценных бумаг (или в ином акте, предусмотренном законом) должны быть указаны лица, ответственные за исполнение по соответствующим бездокументарным ценным бумагам, к числу которых относятся лица, выпустившие ценные бумаги и предоставившие обеспечение по ним. Учет прав по бездокументарным ценным бумагам осуществляется путем внесения записей по счетам правообладателей. Ведение записей по учету таких прав осуществляется лицом, имеющим предусмотренную законом лицензию. Распоряжение, в том числе передача, залог, обременение другими способами бездокумен-

тарных ценных бумаг, а также ограничение распоряжения ими могут осуществляться только путем обращения к лицу, осуществляющему учет прав на бездокументарные ценные бумаги, для внесения соответствующих записей.

Чрезвычайно важное значение для правоприменительной практики и для оборота бездокументарных ценных бумаг имеет новое законоположение о том, что лицо, выпустившее бездокументарную ценную бумагу, и лицо, осуществляющее по его поручению учет прав на такие ценные бумаги, несут солидарную ответственность за убытки, причиненные в результате нарушения порядка учета прав, порядка совершения операций по счетам, утраты учетных данных, предоставления недостоверной информации об учетных данных, если не докажут, что нарушение имело место вследствие непреодолимой силы (п. 4 ст. 149 ГК РФ).

Как известно, особое внимание в Концепции обращалось на необходимость разработки специального способа защиты прав владельца бездокументарной ценной бумаги, утратившего права на такую ценную бумагу. При этом использование в этих целях виндикационного иска (как это имело место ранее в судебной практике) было признано нежелательным, «поскольку используемые в этом случае защитные механизмы основаны на традиционных представлениях о защите владения вещью». В связи с этим в Концепции указывалось: «Восстановление прав предшествующих правообладателей бездокументарных ценных бумаг должно осуществ-

ляться посредством иска, предъявляемого лицом, утратившим формальную легитимацию в отношении прав, оформляемых бездокументарной ценной бумагой, к лицам, формально легитимированным посредством записей по счетам».

Предложенная в Концепции конструкция особого способа защиты нарушенных прав правообладателей по бездокументарным ценным бумагам была воплощена в ст. 149.3 ГК РФ. Как было отмечено выше, согласно этой статье по общему правилу правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, вправе требовать от лица, на счет которого ценные бумаги были зачислены, возврата такого же количества соответствующих ценных бумаг.

Вместе с тем необходимо было учесть особенность прав, составляющих содержание бездокументарных ценных бумаг. К примеру, в Концепции отмечалось, что в случае обращения ценных бумаг, содержащих денежное обязательство, нет необходимости предоставлять их владельцу усиленную защиту, поскольку его права могут быть эффективно защищены посредством возмещения убытков в денежной форме, а в ситуации, когда бездокументарные ценные бумаги, предоставляющие права участия, обращаются на организованном рынке, истребование их у добросовестного приобретателя нецелесообразно.

Данные положения Концепции были учтены при формулировании двух норм, содержащихся в ст. 149.3 ГК РФ (со-

ответственно п. 1 и 3). Во-первых, бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требования, а также бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованных торгах, независимо от вида удостоверяемого права не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, за исключением случая их безвозмездного приобретения у лица, которое не имело права отчуждать указанные ценные бумаги. Во-вторых, при наличии возможности приобретения соответствующих ценных бумаг на организованных торгах правообладатель, со счета которого бездокументарные ценные бумаги были неправомерно списаны, вправе по своему выбору потребовать от лиц, несущих перед ним ответственность за причиненные этим убытки, приобретения таких же ценных бумаг за их счет либо возмещения всех необходимых для их приобретения расходов.

Вполне логичным (с точки зрения защиты нарушенных прав правообладателя) было также включение в состав ст. 149.3 ГК РФ (п. 2) и правила о том, что, если бездокументарные ценные бумаги, которые правообладатель вправе истребовать, были конвертированы в другие ценные бумаги, правообладатель вправе истребовать те ценные бумаги, в которые были конвертированы ценные бумаги, списанные с его счета.

К сожалению, многочисленные новые законоположения о ценных бумагах (как документарных, так и бездокументарных) не получили толкования в Постановлении Пленума ВС

РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если не считать одного разъяснения (п. 42 Постановления), которое по сути своей лишь подтвердило действие традиционной нормы (ныне п. 3 ст. 147.1 ГК РФ) о невозможности истребования от добросовестного приобретателя по виндикационному иску документальных ценных бумаг: предъявительских (во всех случаях), а также ордерных и именных, удостоверяющих денежное требование.

Применительно к таким объектам гражданских прав, как нематериальные блага, в ходе реформы уточнены возможные способы их защиты от различных нарушений. В связи с этим ст. 150 ГК РФ дополнена законоположением о том, что в случаях, когда того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, публикацией решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо.

В судебной практике было выявлено немало проблем, связанных с защитой деловой репутации юридических лиц и применением в этих целях различных способов защиты. На

решение этих проблем направлено новое законоположение, включенное в ст. 152 ГК РФ: при распространении сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, применяются правила указанной статьи (о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан) об опровержении ложных сведений, о признании распространенных сведений не соответствующими действительности и о возмещении убытков, причиненных такому лицу. При этом в статье специально подчеркивается, что возможность применения для защиты деловой репутации юридических лиц правил о компенсации морального вреда исключается (п. 11).

Еще раз о различиях вещных и обязательственных прав

*Е.А. СУХАНОВ, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права юридического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный дея-
тель науки РФ*

Современное реформирование Гражданского кодекса РФ как базового акта всего гражданского законодательства после обновления его общих положений (включая нормы о юридических лицах и общие положения обязательственного права) подошло к центральному институту (подотрасли) гражданского права – вещному праву. Однако серьезное обновление этой правовой основы имущественного оборота невозможно в отсутствие ясных представлений о его юридической природе. Между тем в отечественной правовой доктрине все еще не сложилось устоявшегося, общепринятого учения о вещном праве и его особенностях. Свидетельством этому является разнобой в определении правовой природы ряда важнейших имущественных прав и институтов. В частности, до сих пор во многом господствующими остаются взгляды, согласно которым права арендатора (прежде всего недвижимой вещи) рассматриваются как вещные, а права залогодержателя (в том числе и в ипотеке) – как обязатель-

ственные.

Основной причиной этого является длительное отсутствие в российском гражданском праве самого понятия вещных прав, обусловленное признанием предшествующим правопорядком земельных участков объектом исключительной собственности государства (т. е. их полным изъятием из гражданского оборота) и упразднением категории «недвижимость». А ведь смысл вещных прав (помимо права собственности и залога) заключается в юридическом закреплении возможности использования земельных участков и других недвижимых вещей, находящихся в собственности иных участников гражданских правоотношений. С переходом к рыночной организации экономики неизбежно последовало восстановление права частной собственности на земельные участки и их рассмотрение в качестве основного вида недвижимости, что в свою очередь с необходимостью повлекло восстановление вещного права, не сводящегося к праву собственности. Однако теоретическое осмысление этого процесса натолкнулось на полное отсутствие ясных исходных позиций, сделавшее возможными самые разнообразные «фантазии на тему» вещных прав. Поэтому представляется целесообразным вновь обозначить такие позиции, основанные на классических для европейского континентального права представлениях о существе и правовых особенностях вещного права.

Следует напомнить, что специфика вещных прав, вклю-

чая право собственности, определяется *юридическими* критериями, позволяющими достаточно четко отграничить этот вид имущественных прав от других их разновидностей, прежде всего от обязательственных прав. Ведь различные виды имущественных прав связаны с установлением для отдельных видов имущества – объектов гражданских прав – особого гражданско-правового режима. Разумеется, такой режим в действительности устанавливается не для самих объектов, а для лиц, совершающих с ними юридически значимые действия. Но различные объекты гражданских прав в этом своем качестве отличаются друг от друга именно своим *правовым режимом*, а не физическими или экономическими свойствами, причем особенности такого режима формируются в виде тех или иных разновидностей имущественных (гражданских) прав. С другой стороны, в отсутствие установленного законом особого режима вещных прав (что, в частности, длительное время имело место в отечественном гражданском праве) споры о вещной или обязательственно-правовой природе тех или иных конкретных имущественных прав, например прав залогодержателя или арендатора, теряют практическое значение и становятся схоластическими.

Следовательно, специфика вещных прав определяется не тем, что они юридически оформляют определенную часть экономических отношений присвоения (собственности). Обусловленность этого гражданско-правового режима содержанием или особенностями экономических отно-

шений в лучшем случае косвенная, опосредованная, ибо на него влияют не только и даже не столько экономические факторы. Не случайно, например, однородные по экономическому содержанию отношения присвоения и использования земельных участков в различных правопорядках юридически оформляются совершенно по-разному (вещными правами в европейском континентальном праве и «титулами» – *estate u interests* – в англо-американском праве).

Вещные права создают особый гражданско-правовой режим, отличающийся от режима других имущественных прав. В сравнении с традиционно противопоставляемыми им обязательственными правами режим вещных прав характеризуется «юридической прочностью» (обеспеченностью). «Юридическая прочность» вещного права состоит в том, что, заключая в себе известную власть над вещью, оно обременяет саму вещь, а потому не зависит от смены ее собственника; следовательно, новый собственник вещи не может в одностороннем порядке прекратить такое право и вынужден мириться с установленным обременением. В обязательственном же отношении по поводу пользования вещью власть управомоченного лица (кредитора) распространяется на поведение обязанного лица, а не на его объект (вещь); поэтому новый собственник вещи, не являвшийся обязанным лицом в прежнем обязательстве, по общему правилу вправе расторгнуть его в одностороннем порядке (под условием возмещения контрагенту всех убытков). Это обстоятельство,

единодушно отмечавшееся отечественными цивилистами и романистами еще в дореволюционное время, показывает основную (хотя и не единственную) особенность вещно-правового режима. Поэтому непосредственное господство лица над вещью составляет первую и главную черту вещного права.

Во-вторых, вещные права традиционно характеризуются своим абсолютным характером, ибо корреспондирующие им обязанности пассивного типа возлагаются не на каких-либо конкретных «должников», а на всех третьих лиц. Это обусловлено тем общепризнанным обстоятельством, что они юридически оформляют именно непосредственное «хозяйственное господство» лица над вещью, не требующее предварительного совершения каких-либо действий со стороны иных (обязанных) лиц (по передаче этой вещи либо ее созданию и т. д.), что характерно для обязательственных отношений. В отечественной литературе абсолютность вещных прав иногда подвергается сомнению со ссылкой на условность самого деления субъективных гражданских прав на абсолютные и относительные. Так, еще некоторыми дореволюционными цивилистами высказывались сомнения в том, что «будто негры в Африке или малайцы в Полинезии были обязаны воздерживаться от нарушения моего вещного права в Петербурге, о котором они никогда не слышали и, вероятно, не услышат и которое уже поэтому никогда не могло бы

быть ими и нарушено»¹. Эти сомнения были развеяны другими цивилистами; в частности, С. И. Аскназий указывал, что вещные права «открывают перед управомоченным лицом лишь *возможности*

¹ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 437.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.